

Илья Ильф, Евгений Петров

Однажды летом

*Часть сборника
1001 день, или Новая
Шахерезада (сборник)*

Евгений Петров
Илья Ильф
Однажды летом
Серия «Сценарии»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=174027

1001 день, или Новая Шахерезада: Эксмо; М.; 2008

ISBN 978-5-699-27789-6

Аннотация

«Жаркий день. Дорога. Короткие толстые тени деревьев. В придорожных канавах блестит грязь и таится прохлада. Впереди, на склоне холма, виднеется колеблющийся в зное маленький каменный городок.

Далекий автомобильный сигнал...»

Содержание

Часть первая. Карета прошлого	5
Конец ознакомительного фрагмента.	23

**Илья Ильф,
Евгений Петров**
Однажды летом
Сценарий звуковой комедии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Волков – водитель авторывдвана.

Жора – бортмеханик.

Телескоп – хранитель музея материальной культуры.

Сен-Вербуд – индусский профессор, разоблачитель чудес и суеверий.

Феня – его племянница.

Кроме того, в комедии заняты: мальчик с пузырем «уйди-уйди», нежная мама Телескопа, человек в лошадиной шляпе, первый старик, должностное лицо в узкогорлой кавказской рубашке, лицо кооперативного звания, агент уголовного розыска, второй старик, командор автопробега, посетители музея материальной культуры и др.

Часть первая. Карета прошлого

Жаркий день. Дорога. Короткие толстые тени деревьев. В придорожных канавах блестит грязь и таится прохлада. Впереди, на склоне холма, виднеется колеблющийся в зное маленький каменный городок.

Далекий автомобильный сигнал.

По дороге, направляясь к городу, идет Жора – рабочий велосипедной мастерской, юноша семнадцати лет. Он идет с непокрытой головой. На нем гимнастические тапочки на босу ногу, футбольная майка в широкую матрацную полоску и брюки, застегнутые у щиколоток велосипедными браслетами. Все это порядком замаслено и выпачкано. Чувствуется несколько излишнее техническое молодечество. В руке он держит паяльную лампу.

Низкий могучий вой автомобильного клаксона. Шорох машины.

Жора с воробыиной быстротой отскакивает в сторону. Мимо него, сверкая стеклами, лаком и полированным металлом, пролетает большой прекрасный автомобиль. Запасное колесо, прикрепленное сзади к кузову машины, еле держится. Оно готово упасть.

Клубы сияющей пыли оседают, обнаруживая отряхивающегося и отфыркивающегося Жору. Он смотрит вслед машине. На повороте дороги, завивающейся вверх по холму,

машина подсакивает, запасное колесо отваливается, стремительно катится назад и, описав правильное кольцо, укладывается у ног Жоры.

Жора нагибается к колесу, но сейчас же выпрямляется и бежит за автомобилем.

Жора (*кричит*). Эй, туристы! Калошу потеряли!

Но уже поздно. Видно только, как по дороге катится вверх маленькое пушечное облако пыли и исчезает среди первых городских домов.

Жора возвращается назад и рассматривает находку. Это чудесное новое колесо на баловной шине. Жора обрадовано подымает колесо и потихоньку катит его к городу, подражая автомобильному сигналу.

Автомобильный клаксон в передаче Жоры.

Улица в городке. Маленькие каменные дома с балконами. На балконах фикусы, камышовые корзины, чайные столики. Сидит девочка, читает книгу. Висит сухое покоробившееся белье. Домик с вывеской: «Первый гор. музей материальной культуры». Дальше, друг против друга: «Первая гор. веломастерская и починка примусов» и «Первая гор. кузня». Можно полагать, что ничего второго, третьего и четвертого в городке не имеется. На вывеске мастерской действительно изображен велосипед с бледным и косоглазым красавцем в седле. В вывернутой руке велосипедиста – примус, извергающий пламя. Кузня представляет собой открытый навес на кривых столбиках, под которым кирпичный горн, ручной

мех и наковальня на круглом чурбане.

При приближении к кузне слышны все усиливающиеся звонкие удары молотка кузнеца и тяжелые удары молотобойца.

В кузне двое – старый кузнец в железных очках и кожаном негнущемся фартуке и молотобоец Волков – невысокий молодой человек атлетического телосложения. Они вытягивают на наковальне железную полосу.

При сильном взмахе из кармана Волкова падает на пол какая-то книжонка.

Последние два удара молотка.

Кузнец кидает полосу в горн и, повернувшись узкой спиной к Волкову, принимается раздувать мех.

Волков нагибается, чтобы поднять книжку. Теперь ясно видно ее название:

«Искусство говорить публично. Незаменимое пособие для общих собраний и заседаний месткомов». Книжку Волков прячет в карман. Автомобильный клаксон.

Услышав звук машины, Волков так стремительно выбегает на улицу, что едва не попадает под колеса автомобиля.

Тот же автомобиль, что и в начале действия (уже без запасного колеса), выехав из-за угла, бурей проносится мимо Волкова, который с блаженной улыбкой смотрит ему вслед. Он очарован этим блестящим видением техники.

Из-за угла снова раздается сильный звук автомобильного клаксона.

Волков прижимается к стене.

Но вместо ожидаемого автомобиля из-за угла выкатывается колесо, подталкиваемое Жорой.

Жора издает звуки автомобильного клаксона.

Жора отпускает колесо. Оно ложится у ног Волкова.

Волков (*присаживается на корточки, щупает колесо*).

Откуда?

Жора (*полон достоинства*). Из Америки. Специально для нашего автомобильного кружка.

Оба поднимают колесо и, не выпуская его из рук, идут по улице по направлению к кузне и веломастерской. Оживленно переговариваются.

С двух сторон на них налетают кузнец и веломастер, растаскивают их по мастерским. Колесо остается у Жоры. Улица пустеет. В кузне и веломастерской возобновляется работа.

Стук молотков и гудение паяльной лампы.

На улице появляется новая фигура. Это человек в большой соломенной шляпе, какие на юге в жаркий день надевают на лошадей. Он часто ее снимает, чтобы вытереть пот со своего лукавого лица. Платок он вынимает из раздувшегося брезентового портфеля. Прислушавшись к индустриальным звукам, он настораживается, заглядывает под навес кузни и, увидев работающего Волкова, приятно улыбается. Засим он заглядывает в окно веломастерской. Здесь его глазам предстает Жора среди примусов, замков и велосипедных цепей. Человек в лошадиной шляпе улыбается еще приятнее и даже

причмокивает губами. Потом отправляется дальше по улице, аккуратно заглядывая в раскрытые окна и вообще проявляя несколько загадочную активность.

Звуки молотков прекращаются.

Из кузни выглядывает Волков. Из окна мастерской – Жора. Они радостно таращат друг на друга глаза.

Волков. Необходимо экстренное общее собрание!

Жора. Все в порядке, председатель. Меры приняты. Жизнь прекрасна.

Сию же минуту оба исчезают, отдернутые какой-то могучей силой.

Возобновляются звуки молотков. Улица пуста. Зной.

Медленно проходит бледный задумчивый мальчик. Серьезно и меланхолично он надувает пузырь «уйди-уйди» с нарисованным чертиком. Возникает и сейчас же угасает жалобный, полный зубной боли звук музыкального пузыря.

Мальчик удаляется.

Пауза.

Из кузни, осторожно оглядываясь, высовывается Волков.

Волков (*тихо зовет*). Жора, Жора!

Жора показывается из-за своих примусов.

Волков (снадеждой). Жизнь прекрасна? Жора (безапелляционно). Честное комсомольское слово!

Оба снова скрываются, увлеченные той же невидимой силой. Возобновляется гудение и звонкое клепание.

Затемнение

Внутренность «Первого гор. музея материальной культуры». Он состоит всего лишь из одной выбеленной чистой комнаты с дверью прямо на улицу. Очевидно, здесь когда-то был магазин.

Хранитель музея – юноша по прозвищу Телескоп, в аккуратной юнгштурмовке с портупеей. Он стирает пыль с нехитрых музейных экспонатов.

Производя эту работу, Телескоп мурлычет печальную песенку.

Тут есть очень большой зуб. Он лежит под перевернутой стеклянной сахарницей, заменяющей колпак. Над ней табличка: «Зуб мамонта». Дальше – три совершенно одинаковых продолговатых зазубренных камня, представляющих собой, как гласят надписи: «а) топор каменного века; б) молоток каменного века; в) хлеб каменного века». Затем – маленький аквариум с плавающей там золотой рыбкой – «Сектор фауны». Потом кресло, между ручками которого протянута бархатная веревочка. Табличка: «Предмет материальной культуры европейских народов – стул». Стоит также чучело волка на деревянной подставке, явно отчужденное от витрины магазина мехов («Волк-самец»), и висит пейзаж, изображающий венецианский канал с гондолами («Венеция под гнетом феодализма»). Есть еще старомодная шкатулка – «Музыкальный инструмент XIX века».

Закончив работу, хранитель музея садится на пороге и с

тоской смотрит на известную уже улицу. Прохожие устремляются по своим делам, не обращая никакого внимания на «Первый гор. музей материальной культуры».

Одного из них – молодца с футбольным мячом и помпой – хранитель музея окликает. Возникает короткий разговор, который Телескоп ведет сидя, а молодец с помпой на ходу.

Телескоп. Чего в музей не зайдешь?

Прохожий. А что, я твоего слонового зуба не видел?

Телескоп (*сгорячностью*). Это зуб мамонта, голкипер ты несчастный!

Прохожий. Слоновый, слоновый! Весь гоород знает!

Едва затихает короткая перебранка с голкипером, как перед музеем останавливается разморенный жарой незнакомец в лошадиной шляпе.

Телескоп (*снадеждой в голосе*). Музей открыт, товарищ.

Незнакомец, а следом за ним обрадованный Телескоп входят в музей. Здесь после улицы кажется темно, и только в дверях ослепительно сверкает день.

Незнакомец сразу же садится в кресло, обрывая тяжестью своего тела бархатную веревочку, снимает шляпу, овеивает пылающее лицо и лучезарно улыбается.

Незнакомец. Ух, как здесь хорошо, прохладно!

Телескоп (*плачущим голосом*). Что вы наделали!

Незнакомец озирается.

Телескоп. Ведь это же экспонат! Предмет материальной культуры европейских народов. Садиться воспрещается!

Незнакомец водружает на голову свою лошадиную шляпу и устало бредет к выходу.

Телескоп (*с беспокойством*). А осматривать не будете? Недавно поступил зуб мамонта.

Поднимает сахарницу и демонстрирует зуб.

Незнакомец оглядывает хранителя музея взглядом лошадиного барышника, щупает даже мускулы на протянутой его руке, неопределенно кивает головой и уходит.

Телескоп сконфужен. Он готов разочароваться в своем музее С недоверием он смотрит на экспонаты, мурлычет печальную песенку и подвязывает оборванную веревочку.

Вдруг – неожиданное счастье. В музей входит целая семья: папа, мама и девочка лет восьми с косичкой на манер казацкой нагайки. Они на цыпочках подступают к Телескопу. На их лицах заранее изображено уважение ко всему тому, что они увидят. Девочка случайно задевает кресло.

Папа (*шипит*). Осторожно, Лилечка, это предмет материальной культуры.

Телескоп приосанивается. Он чувствует, что обрел наконец надлежащую аудиторию.

Телескоп. Зуб мамонта. Мамонт – высший вид слона...

Девочка вдруг заливается смехом, бьет в ладоши и показывает на чучело волка.

Девочка. Мама! Собака!

Мама. Это волк, Лилечка.

Папа (*солидно надевает очки и с уважением читает*).

«Волк-самец».

Девочка. А что такое самец?

Папа тупо молчит. Мама берет девочку на руки, и все снова принимаются рассматривать зуб.

Телескоп (*продолжает объяснения*). Мамонты жили в ледниковую эпоху...

Папа. Вот как? Скажите пожалуйста! Очень, очень интересно.

Громкий крик с улицы: «Телескоп! Телескоп!»

Телескоп оборачивается на дверь и видит на противоположной стороне улицы Жору и Волкова с колесом. Они машут ему руками. Телескоп подбегает к двери. Жора и Волков поднимают колесо над головой.

Хранитель музея возвращается к посетителям и быстро продолжает свои объяснения.

Телескоп. В общем, мамонты уже вымерли, так что задерживаться не будем.

Папа. Я хотел еще выяснить насчет зуба...

Телескоп видит, что Жора и Волков нетерпеливо топчутся уже у самой двери.

Телескоп (*торопится*). В общем, это зуб не мамонта, а, кажется, слоновый. Вы посидите здесь в кресле, отдохните, а я сейчас приду!

Папа. Но ведь это кресло – предмет, так сказать, европейских народов...

Телескоп. Ничего. Садитесь.

Он усаживает маму в кресло, папу ставит рядом, девочку сажает на мамины колени и обращает внимание общества на картину «Венеция под гнетом феодализма». Заводит музыкальный ящик.

Старинная полька. Тонкие игольчатые звуки. Хранитель музея выбегает на улицу.

В сияющей рамке двери друзья горячо что-то обсуждают, часто хватаются за колесо и жестикулируют.

Семья сидит, окаменев, как перед фотографом, смотрит на «Венецию» и слушает музыкальный инструмент XIX века.

Вбегает Телескоп.

Телескоп (*решительно*). Граждане, музей закрывается! Папа и мама поднимаются, благодарственно жмут руку хранителю музея. Все выходят на улицу. Шкатулка продолжает играть.

Из комнаты видно, как Телескоп извне запирает дверь музея, как он навешивает ставни на окна. В комнате становится темно. Только сквозь щели ставень проходят пыльные лучи света.

В темноте музыкальная шкатулка замолкает. Последний звук ее хрипло съезжает вниз.

Из тьмы раскрывается маленькая клубная сцена. Звонит председательствующий Волков. Над его головой большой чертеж автомобиля и лозунг: «Автомобиль – не роскошь, а средство передвижения». Задник сцены изображает пейзаж

с луной. К столику прислонен велосипед, звоночком которого Волков пользуется для ведения заседания.

Волков заглядывает в «Незаменимое пособие для общих собраний».

Волков. Позвольте, товарищи, считать собрание ячейки Автодора открытым.

Из зала доносятся бурные продолжительные аплодисменты.

Волков (*перездав шум и снова заглянув в книжку*). Позвольте, товарищи, считать эти аплодисменты... эти аплодисменты...

Новый взрыв рукоплесканий. Возгласы на самой высокой ноте: «Предлагаю послать приветствие редакции любимого журнала „За рулем“». Грохот аплодисментов. Крики «Ура!».

Аппарат открывает зрительный зал и обнаруживает, что весь вышеозначенный шум производят Жора и Телескоп, кроме которых в зале, установленном скамьями и разнокалиберными стульями, никого нет.

Волков (красивымоторским движением руки останавливает овацию). Позвольте, товарищи, эти аплодисменты... Нет, не могу... Не могу говорить без аудитории.

Все трое угрюмо сидят друг против друга.

В наступившей тишине явственно слышатся тонкая фиоритура кларнета и судейский футбольный свисток.

Жора в гневе подбегает к окну и распахивает его.

Теперь слышны, тупые удары о мяч, свистки и крики за-

пыхавшихся игроков.

Жора высовывается и смотрит вниз. Во дворе играют в футбол в одни ворота, обозначенные свертками одежды. Один лишь известный уже нам голкипер в футбольном наряде. Остальные – в длинных штанах, а некоторые даже босиком. Длинные вечерние тени пересекают двор.

Жора. Эй, чемпионы! На собрание!!

Но чемпионы продолжают прыгать на своей площадке. Никто даже не подымает головы. К тому же в эту минуту голкипер пропустил мяч, и ликование играющих достигает предела.

Разноголосый вопль.

Жора с досадой захлопывает окно.

Крик затихает.

Клубный коридор. Три двери одна за другой. Жора стремительно открывает первую дверь.

В комнате, подперев руками челюсти и вцепившись в свои шевелюры, сидят измученные шахматисты. На миг они обращивают к Жоре затуманенные глаза и вновь склоняют головы к доскам.

Жора открывает вторую дверь. Тут собрался духовой – кларнет, барабан, валторна, геликон и тарелки. Геликон – голый волосатый человек в трусиках. Как раз в ту минуту, когда Жора заглядывает в комнату, капельмейстер в расстегнутом военном френче взмахивает рукой и командует.

Капельмейстер. Марш номер восемь. Три, четыре!..

Оркестранты надувают щеки.

Оглушительное и весьма фальшивое начало марша. Громче всех действуют тарелки.

Жора врывается в третью комнату и замирает на пороге. Там все приготовлено к заседанию, но, кроме тоскующего председателя, нет ни души.

Председатель (*бросается, к Жоре, жалобно, голубиным голосом*). Так нельзя, товарищи! Никто не идет на кружок проф-знаний!

Жора испуганно отшатывается и захлопывает дверь. Медленными шагами входит он в зал.

Жора (*не глядя на друзей*). Все в порядке. Собрание считается действительным при любом числе явившихся. Все усаживаются за столиком на сцене.

Жора. Что же нам нужно, чтобы достроить автомобиль?

Волков. Энтузиазм.

Телескоп. И деньги.

Волков. Энтузиазм у нас есть.

Телескоп. А денег нет.

Жора (*звонит в велосипедный звонок*). Подожди, давай сначала выясним, что у нас есть... Значит, энтузиазм... так... Потом, да... энтузиазм.

Пауза, во время которой не замеченный никем входит, забыв закрыть за собой дверь, и присаживается на скамью незнакомец в лошадиной шляпе.

Телескоп. Может, занести энтузиазм в протокол? Все-та-

ки легче будет.

Волков. Тоже нашелся критик-одиночка! Уходи отсюда!
Иди к старушке маме.

Вместе с Жорой выпихивают Телескопа из зала. Хранитель музея упирается. Легкая борьба.

Телескоп. Я пошутил! Я за! За!

Волков и Жора отпускают его.

Жора. Тогда признай свои ошибки.

Телескоп (*одергивая юнгиштурмовку, недовольно басит*).

Признаю... ошибки.

Волков. Недостаточно. Решительней, решительней.

Телескоп (*бормочет*). Признаю, что недооценил...

Жора. А ты учел, что жизнь прекрасна?

Телескоп. Учел.

Жора. Ну, хватит с тебя, капитан слоновой роты. В другой раз не грехи. Деньги – чепуха! Союз обещал дать пятнадцать рублей.

Телескоп усмехнулся.

Жора приподымает велосипед, запускает пальцем его колесо.

Жора. Ты не смейся. А внутренние ресурсы! Вношу сей велосипед и вызываю...

Волков (*снимает пиджак и кладет на стол*). Почти новый. Ленинградодежда.

Принеся эти героические жертвы, оба выжидающе смотрят на хранителя музея. Он отводит глаза в сторону.

Волков (*предостерегающе*). Телескоп!

Хранитель музея пытается что-то засвистеть, но, столкнувшись со змеиным взглядом Жоры, вынимает из кармана и отдает сберкнижку.

Товарищи набрасываются на нее с необыкновенным любопытством.

Волков. Вот где тайна сейфа. Шестьдесят пять рублей!

Телескоп (*грустно*). Я собирал на астрономическую трубу. Я хотел смотреть на звезды...

Волков (*звонит, заглушая малодушные жалобы хранителя музея*). Судьба играет человеком, а человек играет на трубе. Обойдешься без телескопа.

Жора. Все в порядке. Меры приняты. Автомобиль нам обеспечен. Мы поедем, увидим синее море, людей. Ты, Телескоп, увидишь звезды и без трубы. И это будут чудные звезды. Рот фронт!

Ура!..

Волков и Телескоп (*прыгают от радости*). Ура!!!

Телескоп (*вдруг задумывается*). Куда же мы поедем? Волков. Да, действительно, куда ехать?

Жора. В самом деле, куда?

Не замеченный доселе человек в лошадиной шляпе подымается и подходит к столу.

Человек в лошадиной шляпе. В Нижний Новгород.

Друзья с удивлением озирают незнакомца. Он подымается на сцену, снимает шляпу, раскладывает портфель и на-

чинает деловито докладывать. В ту же секунду за открытой дверью в глубине коридора появляется пятящийся задом капельмейстер, за которым шеренгой идет оркестр. Очевидно, дирижер обучает оркестрантов игре в движущемся строю.

Оглушительные звуки марша № 8 делают неслышными слова незнакомца.

Незнакомец говорит. Автомобилисты слушают его, сначала недоверчиво подняв брови, потом все более и более заинтересовываясь. Незнакомец, продолжая свою неслышную речь, показывает юношам какие-то бумажки, фотографии.

Звуки оркестра неожиданно сползают в совершенно уже явственную фальшь. Замолкают.

Отчаянная команда дирижера: «Отставить!»

Становятся слышны слова незнакомца.

Незнакомец. Автозаводу нужны кадры, энтузиасты, герои!..

Снова оркестр, заглушающий дальнейшие слова.

Горячая неслышная речь вербовщика. Друзья мало-помалу зажигаются.

Сквозь минутную паузу оркестра прорывается фраза.

Незнакомец. Сегодня вы – рабочие! Завтра – техники! Послезавтра – инженеры!.. Отсюда вас отпустят, я согласовал.

Всплеск тарелок. Марш № 8 разгорается с ураганной силой.

Вербовщик и автомобилисты с досадой и немим укором оборачиваются к двери.

Оркестр вблизи. Раздутые щеки. Выпученные глаза. Чувствуется усердие и прилежание. Дирижер вдруг затыкает уши и машет руками. Оркестранты сконфуженно замолкают. Один лишь геликон, заглядевшийся в окно, продолжает дуть в свой огромный инструмент.

Бессмысленная октава геликона: «га-ги-гу-га...»

Дирижер кипит, взмахивает рукой. И сыгравшийся наконец оркестр гремит с такой силой, что сами собой распахиваются окна и по коридору летят лоскутки бумаги.

Один за другим Жора, Волков и Телескоп подписывают договор с Нижегородским автозаводом. Делают это они каждый по-своему: Жора – решительно, не задумываясь, Волков – беззаботно, мельком взглянув на текст.

Телескоп долго читает договор.

Срок прибытия к месту работы 15 июня.

Телескоп колеблется. Тревожно оглядывается на друзей.

Жора (*значительно*). Телескоп!

Хранитель музея подписывает договор.

Продолжается марш.

Затемнение

Некоторое время на экране темнота, сопровождаемая тем же самым маршем.

Из темноты возникает тот же клубный оркестр. Он выстроился на тротуаре известной уже улицы, между «Первой гор. кузней» и «Первой гор. веломастерской».

На улице – оживление. Посреди мостовой стоит готовый к путешествию автомобиль. Вокруг него толпятся кучки людей, бегают мальчишки. Держась за крыло машины, с болезненным обожанием смотрит на него бледный мальчик с пузырем «уйди-уйди». Люди смотрят с балконов, высовываются из окон. В городке происходит явно из ряда вон выходящее событие.

У машины, подняв на лоб «консервы», гордо похаживают Жора и Волков. Жора нет-нет, а вытирает тряпочкой какую-нибудь часть. Волков оттесняет чересчур любопытствующих приятелей и мальчишек.

Телескопа не видно.

Машина у друзей получилась странная. Она скорее похожа на зубоврачебное кресло, чем на автомобиль. Но все-таки это механический экипаж, способный передвигаться без помощи лошадей, и друзья, это видно по их лицам, необыкновенно счастливы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.